

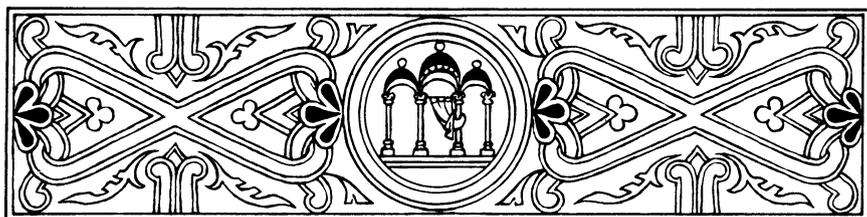
МИТРОПОЛИТ
ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ)

ПРЕПОДОБНЫЙ
СИМЕОН
НОВЫЙ
БОГОСЛОВ
И ПРАВОСЛАВНОЕ ПРЕДАНИЕ

«И почему, — скажет, — никто из великих Отцов не говорил о себе так откровенно и такими словами, как ты говоришь о себе?» — «Ошибаешься, о человек. И апостолы, и Отцы согласны с моими словами»... Но рассмотрите и исследуйте то, что я говорю. И если я не думаю и не говорю так, как [говорили и думали] святые и богоносные Отцы... если не повторяю сказанное Богом в святых Евангелиях... да будет мне анафема от Господа Бога и Иисуса Христа через Духа Святого... вы же не только уши заткните, чтобы не слышать [слова мои], но и убейте меня как нечестивого и безбожного, забросав камнями. Если же я восстанавливаю Господние и апостольские учения, которые некоторыми извращены... тогда не должно ли принять меня... как показывающего совершенное дело любви?

Преподобный Симеон Новый Богослов
(Cat. 34, 184–274)

Моей маме

ПРЕДИСЛОВИЕ

Епископ [ныне — митрополит] Иларион (Алфеев) — звезда первой величины в созвездии православных ученых, чьи работы увидели свет в последние годы.

Цель настоящей книги — представить преп. Симеона Нового Богослова († 1022) как полноценного выразителя православного Предания, знатока Священного Писания и православного богослужения, начитанного в монашеской и святоотеческой литературе. Будучи верным учеником просвещенного старца, св. Симеона Благоговейного, преп. Симеон Новый Богослов воспринял от него свое учение и передал его своим собственным ученикам, в частности преп. Никите Стифату († 1090).

Книга начинается рассмотрением связи между преп. Симеоном Новым Богословом и Священным Писанием. Далее говорится о влиянии православного богослужения на Симеона. Отдельная глава посвящена связи между Симеоном и Студийской монашеской традицией в целом и, в частности, одним из ее ярких представителей — Симеоном Благоговейным, который был его духовным отцом.

В книге подробно рассматривается круг келейного чтения преподобного Симеона. Автор показывает, что подвижник уделял много времени духовному чтению, и отмечает вероятные источники, которыми он пользовался — тексты Священного Писания, жития святых и произведения святоотеческой письменности, которые он читал либо целиком, либо в извлечениях.

В главе «Триадиологическая полемика» на основе Гимна 21-го и «Слов богословских» исследуется участие Симеона в современных ему дискуссиях, волновавших средневековую Византию.

«Святоотеческие основы богословия преподобного Симеона» — так называется следующая глава, где автор уделяет особое внимание апофатическому богословию, учению об именах Божиих и о Божественном свете.

В главе «Антропология преп. Симеона в свете патристической традиции» рассмотрено видение Симеоном человека как образа Троицы в контексте учения об обожении человека.

Глава «Экклесиологические воззрения преподобного Симеона в свете патристической Традиции» посвящена учению о Церкви в ее космическом измерении, о церковной иерархии и об авторитете и власти в Церкви.

В отдельной главе, посвященной «Мистическому богословию преподобного Симеона в контексте святоотеческого Предания», Владыка Иларион возвращается к таким традиционным для Симеона мистическим темам, как видение Божественного света, экстаз и обожение.

В Заключении перечислены основные выводы, сделанные автором на основе анализа богословского наследия Симеона. Речь идет также о «посмертной» судьбе Симеона. Отмечены, в частности, его особое влияние на православную монашескую традицию и популярность, которой он пользовался на Руси.

В книге я обнаружил ряд новых и весьма полезных мыслей, за которые я благодарен автору. Прежде всего, Владыка Иларион подчеркивает, что Симеон был сформирован Студийской монашеской традицией, к которой он напрямую приобщился через своего духовного отца старца Симеона, чьи взгляды он воспроизводил в своих собственных сочинениях.

Во-вторых, автор проясняет то, что для ряда исследователей казалось странным и даже отчасти курьезным в житии Симеона, написанном Никитой Стифатом, — а именно, что Никита сравнивает обвинения Стефана Никомидийского в адрес Симеона Нового Богослова, установившего церковное почитание своего духовного отца вскоре после смерти последнего, с обвинениями иконоборцев в адрес иконопочитателей. Очевидно, что Стефан не был иконоборцем в собственном смысле слова, и что Симеон действовал слишком смело, провозглашая почитание своего старца. Напрашивается вывод о том, что аналогия, сделанная Никитой, была не более, чем благочестивой, но необоснованной попыткой оправдать Симеона. Владыка Иларион, однако, доказывает, что Стефан Никомидийский поставил под вопрос само представление о возможности достижения святости в земной жизни и о святом как о живой иконе: только акцент в этом споре был смещен с почитания икон на почитание святых, отмечает епископ Иларион, тогда как суть спора оставалась той же, что в эпоху иконоборчества.

Действительно, это является своего рода итогом всего учения Симеона, подтверждающего то, о чем в книге Владыки Илариона сказано: «Краеугольным камнем Предания является не что иное, как личный мистический опыт христианина — опыт непосредственной связи между Богом и человеческой личностью», и потому «Предание не может быть истинно православным, если в его основе не лежит опыт встречи с Богом». Весь человек, душа и тело, призван быть «истинным образом Создателя», или, как говорит Никита Стифат о своем духовном отце, «богом по усыновлению».

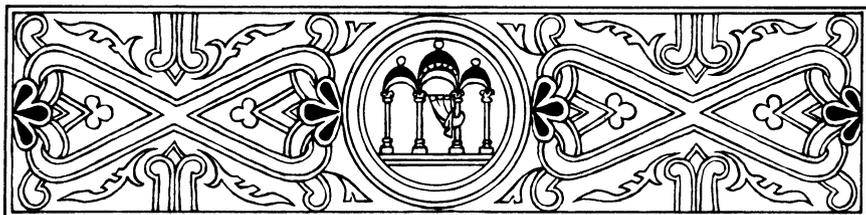
В-третьих, Владыка Иларион указывает на важность агиографического предания для Симеона. В свете его опыта общения с Симеоном Благоговейным это предание является ключевым для понимания его учения о христианстве как живой «золотой цепи» святых, через которых пламя Духа непрерывно переходило из одного поколения в другое.

Наконец, в-четвертых, я хотел бы отметить великолепные, хотя, к сожалению, слишком краткие замечания Владыки Илариона об устойчивой популярности преподобного Симеона на Руси, где, по словам автора, начиная с XIV в., Симеон стал одним из наиболее читаемых византийских авторов. Характерно, что наиболее популярным на Руси произведением Нового Богослова стали «Божественные гимны» — «самое мистическое по содержанию и самое оригинальное по форме из всех сочинений Симеона».

Эта книга — наилучшее введение в изучение Симеона на английском языке и, безусловно, одно из лучших исследований на данную тему, доступных на каком-либо ином языке. Те, кто намерен серьезно изучать Симеона Нового Богослова, будут обязаны начать именно с этой работы. Не сомневаюсь, что все, кто желает познакомиться с подвижником, приобретут большую пользу от прочтения этой книги. Данное исследование, поместившее Симеона Нового Богослова в контекст патристической традиции и православного Предания в целом, является и останется на многие годы непревзойденным.

*Иеромонах Александр (Голицын),
Профессор Маркеттского Университета (США)*

Сокращенный перевод с английского по изданию:
St. Vladimir's Theological Quarterly. Vol. 46. No 2–3. 2002. P. 291–300.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга представляет собой русский перевод диссертации, задуманной и написанной на английском языке. Перевод основной части текста выполнен Е. Л. Майданович и отредактирован мною. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность Елене Львовне за нелегкий труд, за который я сам вряд ли бы взялся.

При написании этой работы моим научным руководителем был епископ [ныне — митрополит] Диоклийский Каллист (Уэр), которому я глубоко признателен за многообразную научную и духовную поддержку во время моих занятий в Оксфорде.

Считаю своим долгом поблагодарить монаха Силуана (Лэйка), прочитавшего первый вариант этого труда и сделавшего много ценных замечаний, а также общину монастыря св. Иоанна Крестителя в Эссексе за постоянную поддержку. Не могу не вспомнить с благодарностью и основателя обители — блаженнопочившего Старца архимандрита Софрония (Сахарова), который не только благословил меня на ученые труды, но и успел незадолго до своей кончины прочитать мои переводы текстов преподобного Симеона.

Выражаю признательность о. Гавриилу Бунге, д-ру Себастиану Броку и о. Роберту Тафту. Каждый из них помог мне на разных этапах работы.

Я благодарен покойному профессору Панайотису Христу: от него я получил фотокопию рукописи *Vatopedi 667*, которой пользовался при работе над греческим текстом «Слова аскетического» Симеона Студита.

В качестве предисловия к русскому изданию считаю своим долгом сделать несколько замечаний и предупреждений.

Прежде всего хотел бы предупредить читателей, знакомых с моими ранее опубликованными монографиями о святителе Григории Богослове и о преподобном Исааке Сиране, что настоящий труд, переведенный с английского, стилистически заметно отличается от этих монографий. Читать эту книгу, по-видимому, будет труднее, чем те, что были в оригинале написаны на русском языке.

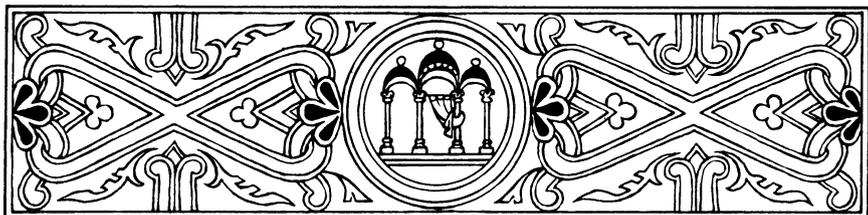
Кроме того, поскольку в Оксфордском Университете, где писалась настоящая работа, существует жесткий лимит слов, который диссертанту не позволено превысить, в настоящей работе налицо некоторая перенасыщенность цитатами, сносками и ссылками, оставленными без подробного комментария. Невозможностью превысить установленный лимит обусловлено и то обстоятельство, что к именам цитируемых в тексте работы Отцов Церкви я не прибавляю титулы «святой», «святитель», «преподобный» и т. д.

Еще одно замечание касается цитат из произведений Отцов Церкви. При переводе настоящей работы на русский язык Е. Л. Майданович воспользовалась существующими русскими изданиями творений Отцов, однако некоторые тексты на русском языке обнаружить не удалось. Редактируя перевод, я, в свою очередь, сверял цитаты с оригиналом (за исключением кратких ссылок и аллюзий) и переводил их заново; в некоторых случаях, однако, мне не удалось найти оригинал, который ранее, при написании английского текста работы, был мне доступен. Сравнив с оригиналом *большинство* цитат из творений Симеона и других Отцов, я все же оказался не в силах провести заново работу по сверке *всех* имеющихся в этой работе ссылок на источники.

Говоря о древнецерковных писателях, я предпочитаю наименования, принятые в православном Предании, тем, что используются в научной литературе: например, Макарий Египетский (а не Псевдо-Макарий, или Макарий-Симеон), Дионисий Ареопагит (а не Псевдо-Дионисий). Для работы, темой которой является православная Традиция, было бы неестественно использовать нетрадиционные наименования. Такое употребление имен, однако, не имеет отношения к вопросу о подлинности творений того или иного автора.

Наконец, хотел бы отметить, что настоящая работа была в своем первоначальном английском варианте адресована западным читателям, которые, как правило, весьма немного знают о православном Предании: этим в значительной степени обусловлены стиль и общая апологетическая направленность работы. Богатство и разнообразие православного Предания рассматривается мною изнутри самого Предания, но аргументы в защиту Предания, которые приводятся в настоящей книге, рассчитаны преимущественно на тех, кто находится вне его. Надеюсь, что это разъяснение поможет русскому читателю воспринять настоящий труд с учетом того контекста, в котором он был написан.

ВВЕДЕНИЕ

1. Жизнь преподобного Симеона

Основным источником биографических сведений о преподобном Симеоне Новом Богослове является житие, написанное его учеником Никитой Стифатом спустя тридцать лет после кончины Симеона¹. Никита придерживается основных правил классического византийского жизнеописания святого и развивает стандартные темы: его герой родился в благородном семействе; с раннего детства он добродетелен и серьезен, избегает детских забав; он посещает школу, но отвергает «языческую мудрость»; при поступле-

¹ *Hausherr. Mystique*, 1–128 (=Vie). Изложение жизни Симеона см. в: *Василий (Кривошеин), архиепископ. Симеон*, 15–58; *Krivochéine. SC 96*, 15–54; *Turner. Fatherhood*, 16–36; *Moda. Christ*, 105–120; *McGuckin. Symeon* (последний главным образом занят опровержением Никиты Стифата). Здесь и далее, ссылаясь на литературу, мы приводим лишь имя автора, сокращенное до одного-двух слов название сочинения, номер тома (если есть) и номер страницы. Ссылаясь на источники, мы приводим имя автора, сокращенное название сочинения, номер тома (книги, части), главы (раздела) и стиха (строки), а также, в квадратных скобках, номер страницы того издания, которым мы пользовались. Полностью имена авторов, названия их произведений и выходные данные использованных изданий приведены нами в Библиографии.

нии в монастырь он отказывается от родового наследства; он борется с бесовскими искушениями и всегда побеждает; он совершает чудеса и исцеления. Все эти темы мы находим уже в «Житии преподобного Антония» (IV в.), которое стало прототипом многих последующих житий святых¹.

Другой, еще более важный источник биографических сведений о Симеоне — его собственные писания: в отличие от творений большинства Отцов Церкви как более раннего, так и последующего периодов, все его творения носят явно выраженный автобиографический характер. Портрет Симеона, начертанный Никитой, отличается от образа, который вырисовывается при чтении сочинений самого Симеона. Произведение Никиты — скорее икона жизни Симеона, чем его биография: оно стилизовано и полно условностей². Читая самого Симеона, не перестаешь удивляться полному отсутствию позы или стилизации, столь характерных для многих византийских писателей его времени, а также откровенности Симеона, необычной для византийской традиции: он излагает свой внутренний мистический путь ясно и исчерпывающе. Однако Симеон немного сообщает о внешних событиях своей жизни: в этом отношении приходится полагаться главным образом на сведения, сообщаемые Никитой³.

¹ Его критический текст был издан в SC 400. Можно также сравнить «Житие Симеона», написанное Никитой, с «Житием преп. Феодора Студита», автором которого считается монах Михаил. См.: PG 99, 113–232 (один вариант) и PG 99, 233–328 (второй вариант).

² Ср.: *Krivochéine*. SC 96, 16.

³ Тот факт, что Никита писал, стремясь реабилитировать Симеона, не является достаточным основанием для того, чтобы ставить под вопрос (как то делают некоторые современные ученые) достоверность «Жития» в целом. Говоря о Симеоне, Никита порой допускает явные противоречия, однако его произведение — единственное свидетельство человека, лично знавшего Симеона. Ясно, что в тех местах, где Никита расходится с Симеоном, предпочтение следует отдать Симеону. Но там, где современные ученые выдвигают противоречащие Никите гипотезы, мы скорее склонны отдавать предпочтение Никите.

Согласно хронологии И. Озэрра, Симеон родился в 949 г. по Р.Х.¹ Согласно другой хронологии, предложенной греческим патрологом П. Христу, дата рождения Симеона — 956 г.² Место рождения Симеона —

¹ *Hausherr. Mystique*, LXXXIX ff.

² Многие ученые пытались разрешить нелегкую проблему хронологии Симеона, но пришли к разным результатам. К. Хольц утверждал, что Симеон родился между 963 и 969 гг., а скончался в 1041 или 1042 г. См.: *Holl. Enthusiasmus*, 23–26. Позднее И. Озэрр предложил иную хронологию, внося исправления во многие вычисления Холя. См.: *Hausherr. Mystique*, LXXX–XCI. Ныне общепринятой является хронология Озэрра, хотя ученые неоднократно ставили под вопрос и ее. См.: *Stathopoulos. Gottesliebe*, 9 ff.; *Каждан. Замечания*, 4–10; *Χρήστος. Νικήτας*, 9–11; *Idem. Εισαγωγή*, 12–24. Важнейшие аргументы против хронологии Озэрра следующие. 1) Она противоречит датировке «Жития Симеона», написанного Никитой: Никита указывает, что Симеон был священником в течение сорока восьми лет, а по Озэрру выходит, что он священствовал только 42 года, с 980 по 1022. 2) Никита указывает, что когда Симеон Новый Богослов установил почитание Симеона Студита после смерти последнего, он получил на это одобрение от патриарха Сергия, после чего невозбранно праздновал память своего духовного отца в течение шестнадцати лет, пока не возник конфликт со Стефаном Никомидийским (Житие 72, 22–73, 15). Сергий занимал Константинопольский престол в 1001–1019 гг. Даже если он одобрил почитание Симеона Студита в 1001 г., конфликт и удаление Симеона Нового Богослова должны были случиться не ранее 1016 г., тогда как Озэрр датирует конфликт 1003–1005 гг., а удаление 1009 г. 3) Вычисления Озэрра основаны на предположении, что Николай II Хрисоверг, рукоположивший Симеона, занял Константинопольскую кафедру в 979 г., тогда как авторитетные византийские источники датируют это событие 984 г. См.: *Grégoire — Orgels. Chronologie*; ср.: *Ostrogorsky. History*, 585. Если последняя дата верна и Симеон скончался в 1022 г., то продолжительность его служения в священном сане не составляла ни сорока восьми, ни сорока двух лет. Хронология, выдвинутая П. Христу, более соответствует датам «Жития Симеона», написанного Никитой, поэтому не следует ее игнорировать. См., однако, возражения В. Грюмеля: *Grumel. Chrysobergès*, 253 ff. Излагая жизнь Симеона, мы будем ссылаться на датировку по Озэрру и сразу же в скобках — на хронологию Христу.

селение Галати в Пафлагонии. Родители Симеона, Василий и Феофано, были богатыми и влиятельными провинциальными аристократами. С одиннадцатилетнего возраста Симеон жил со своим дядей в Константинополе, где тот занимал видный пост при императорском дворе. Симеон обучался в «грамматической» (средней) школе, изучал тахиграфию (скоропись) и выработал, по свидетельству Никиты, прекрасный почерк, но отказался продолжить «внешнее образование» в риторике и философии¹.

По словам Никиты, юный Симеон отказался от чести быть представленным братьям-императорам Василию и Константину Порфирородным и предпочел остаться в тени². Тем не менее, он был возведен в ранг

¹ Житие 2, 23–26. Отметим разницу между Симеоном и Феодором Студитом, который, согласно его житию, «прошел всю философию, этику и догматику, диалектику и логику». См.: Житие преп. Феодора Студита [117 С — 120 В]. Византийская система образования унаследовала основные принципы древней греко-римской традиции, а разделение византийского плана обучения на два этапа соответствовало подобному делению в поздней античности, где весь курс наук состоял из *trivium*'а (грамматики, риторики и диалектики) и *quadrivium*'а (арифметики, геометрии, музыки и математики). Некоторые византийские источники упоминают три стадии: так называемое *προπαιδεία* (начальное образование), *παιδεία* или *ἐγκύκλιος παιδεία* («общее образование») и *τελεώτερα μαθήματα* (высшее, «совершенное» образование). Основными образцами для овладения грамотой и литературными навыками все еще служили произведения Гомера, Софокла, Еврипида и прочих древнегреческих писателей, так что византийские школьники по сути изучали язык, на котором не говорили уже многие поколения их предков. См.: *Lemerle. Humanisme*, 99–103, 302–303; *Buckler. Education*, 200–220; *Mango. Byzantium*, 125ff.; *Wilson. Scholars*, 18 ff.; *Культура Византии*, 366–400. Отметим также, что даже среднее образование в целом было доступно в Византии далеко не каждому: как отмечает Лемерль, девять десятых населения были безграмотны: *Lemerle. Elèves*, 3 (ср., однако, более положительную оценку уровня грамотности в Византии у: *Browning. Literacy*, VII, 46–52). Большинство тех, кому образование было доступно, принадлежало либо к аристократии, либо к духовенству.

² Житие 3, 1–9.

спафарокубукулария и сделан членом синклита (государственного совета), почему и провел несколько лет при императорском дворе¹.

В одном из Гимнов Симеон так говорит о своей юности:

*Родители не питали ко мне естественную любовь.
Братья и друзья мои все насмеялись надо мною...
Сродники, посторонние и мирские начальники
Тем более отвращались от меня и не выносили
видеть меня,
Чем более [хотели] погубить меня со своими
беззакониями.
Часто я безгрешно желал славы,
Но не нашел еще ее в настоящей жизни...
Сколько раз желал я, чтобы люди любили меня,
[И чтобы] я имел с ними близость и откровенность,
Но из благомыслящих никто не выносил меня.
Другие же, напротив, желали видеть и знать меня,
Но я убежал от них, как делателей зла...
Добрые избегали меня из-за [моего] внешнего вида,
Злых же я избегал по собственному произволению².*

¹ Житие 3, 9–11. В ранг спафарокубукулария обычно возводили евнухов. См.: *Bury. System*, 122; *Yannopoulos. Société*, 36; *Oikonomidès. Listes*, 301–302. Некоторые ученые высказывают предположение, что Симеон мог быть осклопен в детстве: смотри *Turner. Fatherhood*, 19; *Morris. Saint*, 44. Такое предположение, однако, не имеет под собой достаточных оснований, поскольку ни в «Житии», ни в творениях самого Симеона нет ясного указания на то, что он был скопцом. Никита упоминает, что евнухом был ученик Симеона Арсений (Житие 45, 4–5); если бы Симеон также был евнухом, Никита указал бы на этот факт: по византийским представлениям, в этом не было ничего негативного (сравнение Симеона с евнухом в Житии 147, 6 относится к посмертному «ангельскому» состоянию Симеона). О том, что Симеон не был скопцом, свидетельствует, в частности, его аллюзия на ночное осквернение в *Euch.* 1, 141–146.

² Нупн 20, 98–119. Что касается внешности юного Симеона, то она, вероятно, была вполне приятной. Никита говорит, что «Симеон отличался

Очевидно, что при всем своем внешнем благополучии, Симеон очень рано испытал большие внутренние страдания из-за одиночества, отсутствия друзей и своей неспособности удовлетвориться земными благами. Ранняя неудовлетворенность жизнью в миру побудила Симеона к чтению духовной литературы и к поискам святого человека, который стал бы его учителем. Это устремление Симеона не встретило одобрения окружающих, которые наперебой утверждали, что «ныне нет такого святого на земле»¹. Однако Симеон продолжал поиск духовного отца, и в конце концов его усилия увенчались успехом. Заметим попутно, что полемика с теми, кто утверждал, что в его время невозможно достичь святости (таковых Симеон именовал «новыми еретиками»)², стала одной из главных тем его позднейших сочинений.

Встреча с монахом константинопольского Студийского монастыря, Симеоном Благоговейным³, который стал духовным отцом юного Симеона, оказалась решающей. Симеон Благоговейный был пожилым иноком; он не имел священного сана, но обладал глубоким духовным опытом: в его лице Симеон-младший обрел того, кого долго искал. Юный Симеон так любил своего учителя, что почитал его за святого и считал себя недостойным прикоснуться к его одежде или поцеловать место, где тот стоял во время молитвы⁴.

от других хорошей внешностью и приятным видом» (Житие 3, 1–2). В Cat. 22, которое считается автобиографическим, Симеон говорит о юноше Георгии, прототипом которого является сам Симеон, что он был «красив видом и имел что-то показное в своем облике, манерах и походке, так что некоторые даже имели о нем из-за этого дурные мнения» (Cat. 22, 24–27). Приведенные слова Симеона из 20-го Гимна можно понимать в том смысле, что «добрые» люди избегали его из-за его «показной» внешности (обладая аристократическими манерами и богатыми родственниками, близкими к императору, он выглядел молодым выскочкой), а «злые» обращали на него внимание лишь из-за его близости к высшим кругам общества.

¹ Euch. 1, 78–80.

² Ср.: Гимн 21, 302–304; Cat. 29, 137–150.

³ Мы будем подробнее говорить о личности Симеона Благоговейного в Главе III.

⁴ Житие 12, 20–26.